

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

РАЙСКИЙ САД

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х37

Серия «Эксклюзивная классика»

Ernest Hemingway
THE GARDEN OF EDEN

Перевод с английского *Г. Весниной*
Серийное оформление *Е. Фerez*
Дизайн обложки *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения Hemingway Foreign Rights Trust
и литературного агентства Fort Ross, Inc.

Хемингуэй, Эрнест.

Х37 Райский сад : [роман] / Эрнест Хемингуэй ;
[пер. с англ. Г. Весниной]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2019. — 320 с. — (Эксклюзивная клас-
сика).

ISBN 978-5-17-115691-6

Как умирает любовь — день за днем, взгляд за взглядом,
слово за словом? Как умирает любовь, несмотря на все уси-
лия двоих ее сохранить?

Молодой писатель Дэвид и его жена Кэтрин никогда
не верили, что их любовь смертна, — но орудием пытки и
яблоком раздора для них стала другая женщина.

Именно из-за нее между супругами развернулась борь-
ба — поначалу в шутку, а потом и всерьез...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-115691-6

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1950
© Перевод. Г. Веснина, 2019
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

От издателя

Этот роман, так же как и другое свое произведение — «Острова в океане», писатель не успел закончить при жизни. При подготовке романа к печати мы прибегли лишь к незначительным сокращениям текста и к обычной редакторской правке. Отдельные, ничтожно малые интерполяции, сделанные нами для большей ясности и связности текста, никак не повлияли на творческий замысел автора, и все произведение в целом остается полностью авторским.

Глава первая

В те дни они жили в Ле-Гро-дю-Руа¹; их отель находился на берегу канала, который бежал к морю из окруженного крепостной стеной городка Эг-Морт². Из долины Камарг³ открывался изумительный вид на башни Эг-Морта, и одно время они почти каждый день спускались туда на велосипедах по белой дороге, тянувшейся вдоль канала. Утром и вечером, когда начинался прилив и в канал заходил окунь, они любили наблюдать за его охотой: кефаль, удирая, отчаянно прыгала; и вода там, где окунь бросался в атаку, вскипала и расходилась кругами.

¹ Рыбацкая деревня на юге Франции, почти вплотную примыкающая к городку Эг-Морт. — *Примеч. пер.*

² Эг-Морт — «мертвые воды» — древний город крепостноцев (XIII в.), полностью окруженный четырехугольной крепостной стеной со сторожевым проходом наверху, двадцатью зубчатыми башнями и десятью воротами.

³ Болотистая местность в дельте Роны, природный заповедник, 850 кв. м засоленных лагун, болот и озер между двумя рукавами Роны.

Молодые люди удили рыбу с пирса, устремленного в нежно-голубое море, купались на пляже и каждый день помогали рыбакам тащить сети с рыбой на длинный покатый пляж. В кафе на углу, сидя лицом к морю и потягивая аперитив, они смотрели, как мелькают в Лионском заливе паруса рыбацких лодок, промышлявших макрель. Стояла поздняя весна — время лова макрели, когда все рыбаки порта выходят на промысел. Это был жизнерадостный, приветливый городок; и молодой паре очень нравилась их гостиница, в которой имелись ресторан с двумя бильярдными столами и с видом на канал и маяк и четыре комнаты наверху. Их комната напоминала спальню Ван Гога в Арле, только у них кровать была двуспальной и к тому же в ней было два больших окна, из которых открывался вид на канал, заливные луга, белокаменный город и сверкающие пляжи Палаваса.

Они были вечно голодны, хотя питались очень хорошо. На завтрак в кафе они каждый раз приходили голодными и заказывали бриоши¹, кофе с молоком и яйца. Выбор варенья и способа приготовления яиц был одним из самых волнующих моментов. Они так сильно хотели есть, что в ожидании завтрака у девушки часто начинала болеть голова. Но после кофе боль отпускала. Девушка пила кофе без сахара, и молодой человек постарался это запомнить.

¹ Сдобная булочка, состоящая из нескольких частей округлой формы, соединенных вместе.

В то утро они ели бриоши с малиновым вареньем и яйца всмятку с кружочками масла, которое медленно таяло, пока они подсаливали их и посыпали черным перцем. Яйца были крупные и свежие; девушка попросила, чтобы для нее яйца варили чуть меньше, чем для молодого человека. Он и это взял себе на заметку. Сегодня все доставляло ему радость: и утренняя свежесть, и яйца с тающими кружочками масла, и вкус зерен грубо помолотого перца и горячего черного кофе, и аромат корицы, поднимавшийся от чашки кофе с молоком.

Рыбацкие лодки ушли далеко в море. Они покинули порт еще в темноте, с первым дуновением рассветного бриза. Молодой человек и девушка проснулись, разбуженные шумом их сборов, но тут же снова свернулись под простыней и заснули. Потом, когда солнце уже взошло, но в комнате еще царил полумрак, они, полусонные, занимались любовью и снова лежали, усталые и счастливые, а потом снова занимались любовью. Потом их охватил такой страшный голод, что им казалось, они не доживут до завтрака, и вот сейчас они сидели в кафе, ели и любовались морем и парусными судами. Наступил еще один день.

- О чем ты думаешь? — спросила девушка.
- Ни о чем.
- Но должен же ты о чем-то думать.
- Я просто наслаждаюсь.
- Чем?
- Счастьем.

— А я так проголодалась, — сказала она. — Как ты думаешь: это нормально? Ты тоже чувствуешь голод после того, как занимаешься любовью?

— Так бывает, когда по-настоящему любишь.

— О-о, ты слишком много знаешь о любви, — сказала она.

— Это не так.

— Ладно, не важно. Я даже рада этому, так что нам не о чем беспокоиться, верно?

— Не о чем.

— Какие у нас планы на сегодняшний день?

— Не знаю. А ты что думаешь?

— Мне все равно. Если ты пойдешь на рыбалку, я могла бы написать письмо или даже пару писем, а потом, перед ленчем, мы еще успели бы искупаться.

— Чтобы нагулять аппетит?

— Не говори о еде. Я уже снова хочу есть, а ведь мы еще не закончили завтракать.

— Это не мешает нам подумать о ленче.

— А что после ленча?

— Как послушные дети, отправимся спать.

— Очень свежая мысль. И почему она раньше не приходила нам в голову?

— Временами меня осеняет, — сказал он. — У меня очень изобретательная натура.

— А у меня — гибельная, — сказала она. — Я хочу тебя погубить. И пусть на стене гостиницы прибьют табличку. Я хочу проснуться однажды ночью и сделать с тобой что-нибудь неслыхан-

ное — такое, чего ты даже представить себе не можешь. Я собиралась сделать это вчера, но так хотелось поспать...

— Ты слишком любишь спать, чтобы быть по-настоящему опасной.

— Не обольщайся. Если тебе кажется, будто ты в безопасности, ты сильно заблуждаешься. О-о, милый, скорей бы уже ленч.

От солнца и морской воды их волосы выцвели прядями; они сильно загорели и были одеты в одинаковые рыбацкие блузы и шорты, купленные в магазине морского снаряжения. Обычно их принимали за брата и сестру, после чего они объявляли, что в действительности являются мужем и женой. Некоторые не могли в это поверить, и девушке это было очень приятно.

В те годы редко кто приезжал на Средиземное море в летнее время¹, а в Ле-Гро-дю-Руа и подавно, разве что кто-нибудь из Нима. Здесь не было ни казино, ни других развлечений; постояльцы появлялись в гостинице лишь в самые жаркие месяцы — в купальный сезон; а в остальное время года гостиница пустовала.

В те годы рыбацкие блузы еще не успели войти в моду, и молодой человек удивился не меньше других, когда девушка, на которой он был женат, решила надеть рыбацкую блузу и появиться в таком виде на людях. Она купила их две — для себя и для

¹ Действие романа происходит в начале 20-х годов XX века.

него — и сразу же, в раковине ванной комнаты, постирала, чтобы ткань не топорщилась. Теперь, после стирки, эта грубая одежда, предназначенная для тяжелой мужской работы, стала значительно мягче и красиво обрисовывала грудь девушки.

Женщины в тех краях не носили шорты, поэтому девушка не решалась надевать их, когда они отправлялись на прогулку в Эг-Морт. Зато в деревушке, в которой находилась их гостиница, все относились к молодой паре с большой симпатией и не обращали ни малейшего внимания на странный наряд девушки; разве что местный священник выражал ей свое неодобрение. Однако на воскресную мессу девушка всегда надевала юбку и кашемировый свитер с длинными рукавами, а голову повязывала шарфом. Молодой человек тоже приходил в церковь и стоял вместе с мужчинами в задних рядах. Они пожертвовали на нужды церкви двадцать франков, что по тем временам составляло больше доллара. Священник, собиравший пожертвования лично, оценил их отношение к церкви должным образом и перестал воспринимать шорты как угрозу нравственности — теперь он считал этот предмет туалета одним из проявлений эксцентричности иностранцев. Священник не заговаривал с молодой парой, когда девушка надевала шорты, однако и не осуждал ее публично, и если вечером ему случалось встретить девушку в длинных брюках, он даже отвечал на ее поклон.

— Я поднимусь наверх и напишу письма, — сказала девушка. Она встала, улыбнулась официанту и вышла из кафе.

— Месье собирается на рыбалку? — поинтересовался официант, когда Дэвид Борн — так звали молодого человека — подозвал его, чтобы расплатиться.

— Подумываю. Как сегодня течение?

— Для рыбалки — в самый раз, — ответил официант. — Если хотите, я дам наживку.

— Я куплю на набережной.

— Нет, возьмите мою. Это настоящий пескожил, у меня его полно.

— А сам ты сможешь пойти со мной?

— Я сейчас на дежурстве. Но позже, глядишь, и выйду — посмотрю, как у вас дела. Снасти у вас с собой?

— Нет, в гостинице.

— Обязательно зайдите ко мне за червями.

Молодой человек хотел подняться в номер к девушке, но, войдя в холл гостиницы и обнаружив возле стойки с ключами свою бамбуковую удочку и корзину с рыболовными снастями, снова вышел на яркий свет улицы, спустился к кафе и дальше на пирс, залитый слепящим солнечным светом. Солнце было жарким, но бриз освежал; отлив только начался. Дэвид пожалел, что не захватил спиннинг и блесны: тогда он смог бы делать заброс поперек течения, за валуны у противоположного берега канала. А так пришлось

довольствоваться обычной удочкой с поплавком из пробки и гусяного пера. Он отрегулировал глубину с таким расчетом, чтобы червь находился там, где, по его мнению, должна была кормиться рыба.

Какое-то время Дэвид Борн ловил без малейшего успеха. В далекой синеве моря мелькали лодки рыбаков, охотившихся за макрелью, высокие облака бросали на воду тень. Вдруг поплавок резко ушел под воду, леска натянулась, молодой человек подсек и, приподняв кончик удилища вверх, попытался преодолеть сопротивление рыбы, которая так упиралась, что леска со звоном рассекала воду. Опасаясь обрыва лески, он пошел вдоль пирса, следуя за рыбой, рвавшейся в открытое море. Несмотря на все усилия молодого человека, рыба натянула леску так, что ему пришлось на четверть опустить удилище в воду.

Пришел официант из кафе, поединок с рыбой привел его в сильное возбуждение. Он шел рядом с Дэвидом и приговаривал:

— Держите ее. Держите. Ни в коем случае не тяните. Надо ее утомить. Только бы не сорвалась. Отпустите еще. Отпустите. Отпустите.

Дальше отпустить было некуда; оставалось только войти в воду, но для этого здесь было слишком глубоко. «Эх, если бы мы были на берегу», — с сожалением подумал молодой человек. Но они были на пирсе и дошли уже до самого края. Удочка скрылась под водой наполовину.

— Только не дергайте, — умолял официант. — Это — главное.

Рыба уходила то вглубь, то вдаль, то металась зигзагом; удилище выгибалось в разные стороны, следуя за ее быстрыми мощными рывками. Вдруг рыба поднялась наверх и какое-то время билась плашмя по воде, но затем снова ушла на глубину, и все же молодой человек почувствовал, что, хотя сил у нее по-прежнему много, воля к сопротивлению несколько ослабела. Теперь он мог подтащить ее к пирсу и завести в канал.

— Осторожнее, — сказал официант. — Ох, теперь осторожнее. Ради всех нас.

Еще дважды рыба пыталась снова уйти в открытое море, и дважды молодой человек возвращал ее обратно и наконец повел вдоль пирса назад к кафе.

— Ну, как она? — спросил официант.

— Отлично, но победа будет за нами.

— Не говорите так, — сказал официант. — Не говорите. Мы должны утомить ее. Утомить. Утомить.

— Это она меня утомила. Рука отнимается, — сказал молодой человек.

— Хотите я подержу? — с готовностью предложил официант.

— О нет.

— Так... легонько, легонько, легонько. Осторожнее, осторожнее, осторожнее, — приговаривал официант.

Молодой человек протащил рыбу мимо террасы кафе и завел в канал. Она была уже у самой поверхности воды, однако сил у нее оставалось достаточно, и молодой человек опасался, что ему придется идти за ней вдоль канала через весь город. К ним присоединилось уже много народу; когда они проходили мимо гостиницы, девушка увидела их в окно и закричала:

— О-о, какая чудесная рыба! Подождите меня! Подождите меня!

Сверху ей было отлично видно, какая это большая рыба и как она блестит в воде, и как ее муж, согнувшись чуть ли не пополам, пытается удержать ее, и сколько народу собралось вокруг них. Когда она выбежала на берег канала, путь ей преградила толпа; ее муж медленно подтягивал рыбу к берегу — туда, где темнели водоросли. Рыба была уже совсем близко, когда официант свесился вниз, подхватил ее пальцами за жабры и вытянул вверх. Рыба была большая, и официант обеими руками прижал ее к груди; она была такой большой, что голова ее доставала ему до подбородка, а мощный хвост хлестал по бедрам.

Мужчины начали обнимать молодого человека, похлопывая его по спине, а женщина, торговавшая на рыбном рынке, даже расцеловала. Наконец девушка тоже смогла его обнять, поцеловать, и он сказал:

— Ну, ты видела?!

Рыбу положили на набережную, и все принялись ее рассматривать. Ее серебряная, как у лосося, чешуя на спине была темнее и отливала вороненой сталью. Это была очень красивая рыба с огромными живыми глазами; она тяжело, прерывисто дышала.

— И как она называется?

— *Loup*¹, — сказал Дэвид. — Но в действительности это окунь. А местные называют его каменным окунем. Замечательная рыба. Первый раз вижу такого крупного окуня.

Официант, которого звали Андрэ, подошел к Дэvidу, обнял его, поцеловал, потом поцеловал и девушку и объяснил:

— Так полагается, мадам. Это совершенно необходимо. Еще никому не удавалось поймать такую крупную рыбу на простую удочку.

— Надо бы его взвесить, — сказал Дэвид.

Они перешли в кафе. После взвешивания молодой человек освободил рыбу от крючка, промыл ее и положил на лед, который доставляли на грузовике из Нима, чтобы сохранить улов макрели. Рыба весила чуть больше пятнадцати фунтов². На льду рыба была такой же красивой и серебристой, но цвет на спине уже сменился на тускло-серый. Только глаза ее еще оставались живыми.

В порт вернулись рыбацкие лодки, и женщины выгружали в корзины сверкающую серебристыми

¹ Морской волк (*фр.*).

² Пятнадцать фунтов — 6 килограммов 804 грамма.

боками голубовато-зеленую макрель, ставили корзины себе на голову и относили в хранилище. Улов был отличный, весь город был счастлив и при деле.

— Что мы сделаем с этой рыбой? — спросила девушка.

— Лучше всего ее продать, — сказал молодой человек. — Она слишком крупная, чтобы ее можно было приготовить в здешних условиях, а резать такую красавицу на куски — преступление. Возможно, она отправится прямо в Париж и закончит свой век в каком-нибудь большом ресторане. Или ее купит очень богатый человек.

— В воде она была такой красивой, — сказала девушка. — И потом, в руках у Андрэ. Сначала я не поверила своим глазам, когда увидела в окно тебя и всю эту толпу народа.

— Мы тоже закажем себе сегодня окуней, только поменьше. Они очень вкусные. Среднего окунька можно пожарить на гриле с маслом и травами. По вкусу он похож на нашего полосатого окуня.

— Меня необычайно взволновала эта история с рыбой, — сказала девушка. — Ну разве не чудесно, что у нас есть такие простые радости?

На ленч они пришли голодными и пили холодное белое вино, к которому полагались домашние маринованные грибы в большой стеклянной чаше и редиска с *celeri remoulade*¹. Подали окуня, приготовленного на гриле. На его

¹ Celeri remoulade — тертый сельдерей с соусом провансаль.